

исключая буквального смысла, а в добавление к нему), строка характеризует особенность внезапной концовки романа «в минуту, злую» для героя: «без них» — т. е. без продолжения романа за 14 декабря 1825 года, без десятой главы, а может, и без последующих (если учесть возможность замысла построения романа в составе двенадцати глав).

Но если дорисовка судьбы Онегина «без них», т. е. без декабристов, оказалась возможной, то окончание романа «без них», без декабристов, оказалось невозможным — и они вошли в роман вместе с судьбой автора.

Семилетие духовных поисков автора, связанное с работой над романом, оказывается внутренне замкнутым и цельным. «Онегин», какие бы завязи на будущее ни таил, остается произведением двадцатых годов, накрепко связанным с декабристской идеологией и с личностью автора — друга декабристов. Включение в автопортрет восьмой главы удовлетворенного упоминания вольнолюбивой музы (при демонстративном игнорировании царской цензуры!), а также трогательное — в особину — прощание с друзьями-декабристами в последней строфе — эти итоговые штрихи, решающие акценты и являются неопровержимыми аргументами в пользу «декабристской» ориентации романа. Этой важной стороной содержания романа мы обязаны образу автора — автору, который не просто повествователь, но и герой своего романа. Но тем самым «Евгений Онегин» (помимо других сторон своего содержания) — своеобразная поэтическая летопись жизни Пушкина, ценнейший биографический документ высокой достоверности и обаятельной поэтичности.

В. В. Рыжов

(Калининский госуниверситет)

ИННОВАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Стихотворный роман Пушкина предельно насыщен откликами на многообразные явления литературной жизни. Лаконичные, но удивительно емкие характеристики русских и зарубежных авторов, книга в жизни персонажей романа, литературная полемика, вехи собственного творческого пути — все это придает великому произведению характер ли-

тературной энциклопедии, охватывающей огромный материал от античности до современности.

В ряду этих обращений к творениям других авторов привлекает внимание прием инновации литературного образа, когда Пушкин прямо вводит в круг персонажей романа героев из произведений своих предшественников и современников¹. Мы имеем в виду третью строфу пятой главы «Евгения Онегина», рисующую гостей Лариных:

С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков;
Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков;
Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов;
Уездный франтик Петушков,
Мой брат двоюродный, Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком),
И отставной советник Флянов,
Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут.

Пушкин называет еще тамбовского остряка мосье Трике, приехавшего с семьей Панфила Хохрякова, а также кумира «созревших барышень» — ротного командира.

Эта толпа провинциальных дворян с низменными интересами, с вечными разговорами «О сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне», с матримониальными заботами, большими и малыми грешками противостоит главным героям романа с их сложным духовным миром и высоким представлением о назначении человека. Задыхается в этой среде Татьяна:

...я здесь одна
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна, —

пишет она Евгению.

¹ О термине «инновация» и его содержании см. наши статьи: Инновация как средство сатирической типизации в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. — В кн.: Сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина. Калинин, 1977, с. 88—98; Проблемы художественного восприятия сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина (о литературных инновациях). — В кн.: Художественное творчество и проблемы восприятия. Калинин, 1978, с. 117—128.

Чтобы сделать ошутимее для читателя гнетущее давление этого быта, Пушкин предпосылает сцене именин фантазмагорию сна Татьяны. Чудовища, окружившие ее в сневидении, заявляют на нее свои права:

..очи всех,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Все указывает на нее,
И все кричат: мое! мое! (V, XIX).

Боязнь сблизиться с этой средой, наверное, играет свою роль и в отношении Онегина к Лариным и к самой Татьяне, хотя ее непохожесть на окружающих видна ему с первого взгляда.

И вот «Скотинины, чета седая»... У Фонвизина Скотинин еще ходит в женихах и только мечтает о собственных «поросятах». У Пушкина он окружен многочисленным потомством и сонмом подобных ему чревоугодников. Скотинины живучи, они преуспевают и не собираются сходить со сцены. Так Пушкин подключает к своему повествованию художественный мир «Недоросля», те убийственные характеристики, которые даны Фонвизиным дворянам «злонравным». Перебрасывается живой мост от «века минувшего» к «веку нынешнему», выражаясь словами грибоедовской комедии. Выступающий рядом со Скотиниными «Гвоздин, хозяин превосходный, владелец нищих мужиков» перенял крепостнические доблести брата госпожи Простаковой. Возвращение к «Недорослю» глубоко оправдано идейным замыслом пушкинского романа. Пушкин принимает оружие сатиры из рук Фонвизина. Вспомним, что знаменитый комедиограф назван и охарактеризован уже в первой главе, где поэт пишет о своей любви к театру:

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блестал Фонвизин, друг свободы... (I, XVIII).

Это уже иная связь с эпохой Фонвизина: связь с русским просветительством, антикрепостническими настроениями, идеями человечности, справедливости, законности.

Пятая глава романа создавалась Пушкиным в 1825—1826 гг. в Михайловском, а тремя годами позже в Павлов-

ском, Старицкого уезда Тверской губернии, он введет героев «Недоросля» в свой «Роман в письмах», где, говоря о мелкопоместных дворянах, от лица героя воскликнет: «Какая дикость! Для них еще не прошли времена Фонвизина, между ними процветают Простаковы и Скотинины»².

Скотининых дополняет Буянов, перешедший в роман со страниц «Опасного соседа» В. Л. Пушкина, довольно нескромного сатирического стихотворного рассказа, распространенного в списках (пушкинский Белкин переписывал его с «тетрадок, ходивших по рукам» между офицерами). «Буянов сделался в литературных кругах типическим образом одного из тех людей, кто нашел впоследствии мастерское воплощение в гоголевском Ноздре»³. Называя Буянова своим «двоюродным братом», Пушкин напоминает читателю об авторе «Опасного соседа», своим родном дяде. Он выражает уверенность, что Буянов, «конечно, знаком» читателям. Тем самым он как бы заставляет читателей восстанавить в памяти весь облик этого персонажа. Это изрядно промотавшийся помещик, «имение свое проживший в восемь лет», дебошир и гуляка низшего разбора, завсегдатай известного рода злачных мест. Внешне неопрятным появляется он даже на званом обеде у Лариных: «В духу, в картузе с козырьком». И вот этот самый Буянов в числе других провинциальных искателей невест сватается к Татьяне!

Сказанное позволяет не согласиться с автором статьи «Типы классической литературы в произведениях Щедрина» А. Г. Дементьевым, который считает, что Пушкин только «упомянул» Скотининых в «Евгении Онегине», как и Буянова, но дальше «упоминания... пойти не захотел»⁴. За термином «упоминание» стоит только формальная констатация факта обращения писателя к чужому литературному образу, а природа и функции такого обращения остаются вне пределов литературоведческого анализа. А в этом функционировании обновленного образа вся суть!

«Смысл художественных обобщений состоит вовсе не в том, чтобы повторить известное, охарактеризовать очевид-

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в десяти томах. М.-Л., 1950, т. VI, с. 72—73. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страниц.

³ Бродский Н. Л. «Евгений Онегин» роман А. С. Пушкина. Изд. 4-е. М., 1957, с. 246.

⁴ См.: Уч. зап. Ленинградского университета. Серия филол. наук, 1941, вып. 11, с. 170.

ное; он заключается в раскрытии глубинных процессов социальной, духовной жизни людей»⁵. Следовательно, и прием инновации несет в себе прежде всего типизирующие усилия, так как обращение к уже известному литературному типу — это и обращение к уже апробированному художественному обобщению. Так, в нашем случае апелляция к устоявшимся художественным ценностям значительно расширяет идейно-эстетические горизонты «Евгения Онегина», делает ощути- мей драму передовой дворянской интеллигенции.

В статье Р. П. Шагилян и Э. П. Магазилика «Экспрес- сия собственных имен в русской художественной литерату- ре» Буянов из «Евгения Онегина» причисляется к носите- лям так называемых «говорящих» имен: «буян» от «буян- нить»⁶. На это возражает известный исследователь литера- турной ономастики В. А. Никонов: «Но его основа — не нарицательное буян, а фамилия персонажа из поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед»... достаточно было загля- нуть в примечание Пушкина»⁷. Однако противоречие этих то- чек зрения кажущееся: ведь сам В. Л. Пушкин, конечно, учитывал этимологию слова, останавливаясь на фамилии Буянов, хотя и не думал исчерпать характер персонажа его склонностью к рукоприкладству. Интересно, что Салтыков- Щедрин, вводя Ноздрева в свои «Письма к тетеньке», заме- чает о нем: «...это далеко уже не тот буян Ноздрев, которого мы знавали в цветущую пору молодости, но солидный, хотя и прогоревший консерватор»⁸. Так сатирик вернул Ноздреву нарицательное значение имени его литературного прототипа.

Мы заговорили о Салтыкове-Щедрине. В его произведе- ниях прием инновации литературных образов в полной мере раскрывает свои художественные потенции. Великий сатирик переносит в них героев Фонвизина и Грибоедова, Гоголя и Тургенева, показывая при этом закономерную эволюцию оп- ределенных общественных типов в новых исторических усло- виях. Но явление, взятое в его полном развитии, бросает ретроспективно свет на начальные стадии процесса. Худо-

⁵ Храпченко Б. М. Художественное творчество, действительность, человек. М., Сов. писатель, 1976, с. 303.

⁶ См.: Труды Узбекского университета им. Навои. Самарканд, 1958, т. 33, с. 120.

⁷ Никонов В. А. Имена персонажей. — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Л., Наука, 1971, с. 412.

⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в двадцати томах. М., Худож. лит., 1972, т. XIV, с. 327.

жественная практика Салтыкова-Щедрина помогает нам уяснить смысл обращения Пушкина к литературным образам, созданным другими авторами.

Но что в творчестве самого Пушкина подготовило такое обращение? Здесь надо прежде всего обратиться к таким ранним его произведениям, как «Городок» и особенно «Тень Фонвизина». В «Городке», как к живым собеседникам, обращается юный Пушкин и к «седому шалуноу» Вольтеру, и к «мудрецу простосердечному» «Ванюше Лафонтену» (тут же впервые упоминается Пушкиным и Буянов!).

А в «Тени Фонвизина» Пушкин «воскрешает» автора «Недоросля» и делает его судьей современных писателей. Отзывы Фонвизина о Хвостове и Шаликове уничтожающи. Достается и позднему Державину, занявшемуся «статей библейских преложеньем», и Батюшкову с его эпикурейством. «Страшна Фонвизина рука!». Да и общий вывод Фонвизина пессимистичен:

...свет ни в чем не пременялся.
Все идет той же чередой;
Все так же люди лицемерят,
Все те же песенки поют,
Клеветникам как прежде верят,
Как прежде все дела текут (I, 139).

От «оживления» автора до «оживления» его героев — один шаг. И он сделан в «Евгении Онегине»⁹.

⁹ Вопрос об инновации образов «Недоросля» в «Евгении Онегине» связан с широким кругом вопросов, касающихся отношения Пушкина к Фонвизину и его наследию и, шире, роли этого наследия в литературной борьбе пушкинского времени. См.: Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Л., Наука, 1973, с. 92—100; Новонайденный автограф Пушкина. Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине». М.-Л., Наука, 1968.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В О П Р О С Ы
БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА
А. С. П У Ш К И Н А

Межвузовский тематический сборник

КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Калинин 1979